

О СЕНСОРНО-НАГЛЯДНОМ СУБСТРАТЕ АБСТРАКТНОГО ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Екатерина Владимировна Савицкая¹*Самарский государственный социально-педагогический университет¹
Самара, Россия**¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии
и межкультурной коммуникации, e-mail: lampasha90@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается культурно-историческая преемственность сенсорно-образного и абстрактно-понятийного языкового мышления. Демонстрируется, как конкретно-предметные представления выражают отвлеченные идеи. На примере английского когнитивного паттерна «чистота – грязь» показано, что свойства материальных предметов лежат в основе образно-символического изображения разных тематических областей лингвокультуры. Делается вывод: языковое мышление людей имеет ряд принципиальных отличий от информационных процессов, которые протекают в системах искусственного интеллекта; эти отличия состоят прежде всего в том, что человеческое мышление появилось в результате эволюции из тех психических процессов, которые происходили в мозгу животных предков человека. Человек, в отличие от компьютера, не может окончательно расстаться с наглядно-чувственными компонентами своего мышления и отражать действительность только математическими средствами. В этом заключается специфика человеческого мышления, запечатленная в семантике единиц естественного языка. Научная новизна, полученная в результате исследования, заключается в том, что в ходе работы над языковым материалом выявлены пути возникновения абстракций из сенсорно-наглядных образов.

Ключевые слова: сенсорный образ, абстрактно-логическое понятие, когнитивный паттерн, лексическая сочетаемость, моделирование.

Для цитирования: Савицкая Е.В. О сенсорно-наглядном субстрате абстрактного языкового мышления // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 2. С. 213–216. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_2_213

Введение

По данным исторической антропологии, мышление человека в филогенезе прошло через предметно-действенный и наглядно-образный этапы и в конечном счете достигло этапа абстрактно-логического мышления, которое характеризуется применением отвлеченных понятий и построением умозаключений [1]; ныне оно носит вербально-дискурсивный характер.

Перечисленные этапы эволюции мышления не разделены непроходимой границей; эта эволюция осуществлялась на основе культурно-исторической преемственности и структурной аналогии моделей действительности, создававшихся на разных этапах.

В эволюционном процессе языковое мышление людей, прежде чем приобрести абстрактно-теоретический характер, базировалось на паттернах, созданных на предыдущих этапах; новые представления о действительности до сих пор опираются на старые, служащие своего рода фундаментом для новых. В основе абстрактного языкового мышления лежат сенсорно-наглядные образы, зафиксированные во внутренней форме и этимологических значениях языковых единиц.

Анализ эмпирического материала

В качестве иллюстрации приведенного тезиса в предлагаемой статье описывается один из многих когнитивных паттернов, входящих в английскую лингвокультуру – антитеза образов чистоты и грязи. По нашим наблюдениям, эти сенсорные образы символически репрезентируют в основном две тематических области – этическую и экзистенциальную.

В первую очередь они связаны со сферой морали, особенно религиозной. Представления о телесной чистоте символизируют нравственную непогрешимость, непорочность, выражаемую английскими устойчивыми оборотами речи со словом *clean* – «чистый», например:

- 1) *to keep one's slate clean* – «иметь хорошую репутацию» (букв. «иметь чистую грифельную доску»);
- 2) *to come clean/to clean up one's act* – «исправиться» (букв. «выйти чистым»);
- 3) *to have one's hands clean* – «быть порядочным» (букв. «иметь чистые руки»);
- 4) *to make a clean breast* – «исповедаться в грехах» (букв. «очистить грудь»);
- 5) *to clean up about smth.* – «сознаться в проступке» (букв. «очиститься»);
- 6) *squeaky clean* – «совершенно невинный» (букв. «кристально чистый»);
- 7) *clean lines* – «благочестие» (букв. «чистоплотность»);
- 8) *clean conscience* – «чистая совесть».

Непорочность выражается также синонимами слова *clean* «чистый»:

- 1) *unblemished reputation* – «незапятнанная репутация» (от старофранц. *blesmir* «пятнать»);
- 2) *immaculate conception* – «непорочное зачатие» (от лат. *immaculatus* «незапятнанный»);
- 3) *unsullied by sin* – «не оскверненный грехом» (от старофранц. *soillier* «загрязнять»);
- 4) *pure as the driven snow* – «невинная» (о девушке), букв. «чиста, как первый снег»;
- 5) *pure within* – «с невинной душой» (букв. «чистый внутри»);
- 6) *pure soul/heart* (ср. рус. *чистая душа/сердце*).

Соответственно, грязь символизирует порочность, греховность, отход от канонов морали:

- 1) dirty swine – «грязная свинья» (негативная оценка чьего-л. морального облика);
- 2) foul language – «сквернословие» (от древнеангл. ful «гнилой, нечистый»);
- 3) filthy lucre – «презренный металл, деньги» (от древнеангл. fylp «грязь»);
- 4) dirty soul/impure heart (ср. рус. *грязная душа*);
- 5) with dirty hands (ср. рус. *быть нечистым на руку*);
- 6) dirty words – «бранные (букв. «грязные») слова»;
- 7) dirty designs/intentions – «нечистые замыслы»;
- 8) spirit of impurity – «нечистый дух, демон»;
- 9) unclean conscience – «нечистая совесть»;
- 10) unclean thoughts – «грязные мысли».

По этнологическим и лингвокультурологическим данным (см.: [2]; [3] и др.), каждый этнос либо группа родственных этносов имеет свои собственные аксиологические доминанты, которые обычно именуются святынями и под которыми понимаются первостепенные жизненные ценности, составляющие основу этнокультуры. Вышеупомянутые доминанты обуславливают содержание словесных инвектив: чем выше в аксиологической иерархии данного этноса находится та или иная коллективная ценность, тем большую отрицательную экспрессию несет в себе соответствующая словесная инвектива; экспрессия достигается путем дискредитации этой ценности.

В частности, у народов германской группы, включая англосаксов, на самой вершине аксиологической иерархии находится моральная чистота; по данной причине словесные инвективы в германских языках концентрируются вокруг таких образов, как нечистота, физиологические выделения и их источники. Что касается народов славянской группы, в том числе русского, у них аксиологической доминантой с давних пор был культ предков и, в частности, почитание матери; вследствие этого русская инвективная лексика носит название матерной.

Обращаясь к лингвокультурам англосаксонских народов, отметим: образы чистоты и грязи там используются прежде всего при характеристике половой жизни и полового воздержания.

Можно было бы ожидать, что чистыми будут именовать такие отношения полов, которые исполнены утонченности, возвышенного благородства, любви, взаимного восхищения, уважения и дружбы, в то время как грязными будут называться низменные, вульгарные, грубые отношения полов, сопровождаемые оскорблениями и насилием.

Ничуть не бывало; наблюдения позволяют убедиться, что в половой морали христианства, запечатленной в значениях и внутренней форме лексических и фразеологических единиц языков Европы (в том числе английского), чистота (целомудрие, непорочность) отношений полов состоит просто в отказе от половой жизни, а грязной (греховной) объявляется половая жизнь как таковая, особенно если она не санкционирована религиозным обрядом. Это отношение к делу происходит из ветхозаветного мифа о грехопадении Адама и Евы (Бытие 3: 1–7) и новозаветного мифа о непорочном зачатии (Матфей 1: 18–25), где плотские отношения квалифицируются как априорно греховные по самой своей сути. Отсюда возникла презентация полового воздержания как чистоты:

- 1) immaculated ness – «непорочность» от лат. *immaculatus* «незапятнанный»;
- 2) virginity – «девственность» от лат. *virga* «свежая, незамаранная»;
- 3) chastity – «целомудрие» от лат. *castus* «чистый, незамутненный».

Соответственно, не освященная церковью (и в более широком толковании – любая) половая жизнь ассоциируется с образом грязи:

- 1) dirty romance – «жанр скабрезной литературы и кино» (букв. «сальные романы»);
- 2) dirty/sullied love – «внебрачные связи» (от старофранц. *soillier* «загрязнять»);
- 3) filthy relation ship/affair – «любовная (букв. «грязная») интрижка»;
- 4) dirty pleasures – «порочные (букв. «грязные») наслаждения»;
- 5) dirty dancing – «фривольные (букв. «грязные») танцы».

Выводы

Таким образом, в английском языке подспудно закреплено обусловленное репрессивной религиозной половой моралью негативное отношение к эросу, в особенности к тому, который не регламентирован церковью и государством.

Прямую противоположность двух толкований «чистого» и «грязного» в отношениях полов описал Г. Уэллс в своем романе «Люди как боги»: по его сюжету, священник, видя свободные, высокодуховные отношения мужчин и женщин Утопии, с отвращением назвал их «свальным грехом»; в свою очередь, утопийцы сочли, что их идейный оппонент имеет «очень грязный ум» [4].

В нынешние времена на Западе весьма популярны свободные нравы, однако они до сих пор воспринимаются не как норма, а как мятеж, направленный против патриархальных порядков, как усилия по преодолению старых устоев; так велика инерция тысячелетних традиций, закрепленных в языке, влияющем на мышление, а вместе с ним и на поведение людей. В этом состоит отличие западной половой морали от восточной (буддийской и т.п.), в контексте которой отношения полов не могут рассматриваться как «грязные», т.к. они *a priori* считаются священными [5].

Осуждение удовольствий свойственно не только христианской морали и относится не только к сфере отношений полов. Идеология, провозглашающая приоритет государственных или общественных интересов перед личными, призывающая приносить индивидуальные ценности в жертву общему идеалу, пропагандирует аскетизм и клеймит позором любую радость жизни – за исключением экстаза, инспирированного идейным фанатизмом. Таковы, к примеру, этические доктрины, исповедуемые адептами тоталитарных религиозных культов, членами террористических группировок и подданными деспотических режимов. Это ярко продемонстрировал Дж. Оруэлл в своем памфлете «1984»: в нем описана тирания, практикующая такие мероприятия, как собрания «Молодежного антиполового союза» и «двухминутки ненависти» – политические оргии, во время которых энергия либидо сублимируется в иступленный идейный энтузиазм [6].

В русле подобного рода идеологических доктрин языковое обеспечение когнитивного паттерна «чистота – грязь» переносится с сексуальной сферы на всю сферу общественных отношений: с этих позиций аскетизм характеризуется как нечто чистое, незапятнанное, тогда как гедонизм позиционируется как нечто грязное и непотребное. В условиях деспотии оппозиция чистоты и грязи отчетливо выражена.

Напротив, в либерально-буржуазных обществах это противопоставление носит размытый характер. В таком социальном контексте гедонизм не считается грехом; более того, он нередко становится высшей ценностью. В этих обстоятельствах оценка реальных жизни в терминах чистоты и грязи утрачивает свою актуальность; отпадает надобность в такой оценке. Аскетизм утрачивает статус добродетели, а гедонизм

теряет статус порока. Происходит смена ценностных ориентиров: аксиологической доминантой становится личное благополучие и процветание, заменяя собою служение гражданскому долгу. Используя терминологию Л.Н. Гумилева [6], можно сказать: эти процессы говорят о том, что восходящая (пассионарная) фаза этногенеза достигла пика (фазы акме) и вступает в фазу надлома, за которой последует упадок (фаза обскурации).

Предыдущие эпохи эволюции культуры и цивилизации прочно закреплены в языке, а, следовательно, и в менталитете народа; нужен долгий период, чтобы старые представления и выражающие их средства языка были заменены более современными. Когнитивный субстрат языкового мышления обладает большой инерцией. Он образует фундамент «свода основных допущений и предположений, обычно не осознаваемых и не обсуждаемых, направляющих и структурирующих поведение представителей общности почти так же, как грамматические правила, не осознаваемые людьми, структурируют и направляют их лингвистическое поведение» [8, с. 4].

С психологических позиций этническая культура выглядит как комплекс коллективных установок, определяющих ценностное отношение представителей данного этноса к разнообразным явлениям действительности – по аналогии с тем, как характер индивидуума, согласно учению Д.Н. Узнадзе [9], складывается из личностных установок, которые диктуют способы взаимодействия индивидуума с культурной и социальной средой. Эти установки являются обязательными в рамках доминирующей в обществе идеологической доктрины.

Но со временем доминирующие доктрины, а вслед за ними и основные установки меняются. Так, во времена господства христианства в странах Европы гомосексуальность осуждалась (Левит 18: 22) и жестоко каралась, тогда как в наше время она стала нормой, поднимавшей на щит; ныне, наоборот, осуждается и подавляется негативное отношение к гомосексуальности.

Однако язык в большой степени консервативен. Это связано с тем, что он являет собой глобальную конвенцию. Слишком частые кардинальные реформы языка вызвали бы снижение уровня взаимопонимания, коммуникативные неудачи и, говоря в целом, падение эффективности вербальной коммуникации. По данной причине изменения, происходящие в рамках цивилизации, в некоторой мере опережают темпы эволюции языка; в языке в течение определенного времени сохраняются прежние коллективные установки, запечатленные в значениях и внутренней форме его единиц, в их коннотациях и сочетаемости.

В частности, в английском языке многими веками накапливались и доныне используются инвективные, пейоративные, обценные наименования людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией (queer, bender, pansy etc); трудно избавиться от этого культурно-исторического груза. Борясь с ним, нынешние активисты политкорректности спешно сочиняют и агрессивно внедряют в лексикон английского языка корявые эвфемизмы (вроде same-genderer, rainbow person, LGBTist), которые несут на себе печать протеста против укоренившейся традиции, поскольку традиционная коллективная установка прочно закреплена в языке, а, следовательно, и в этнической ментальности.

В текущий культурно-исторический период в западных странах, включая Великобританию, под воздействием идеологии неолиберализма осуществляется интенсивное разрушение названных когнитивных стереотипов – разрушение болезненное, характеризующееся столкновением прежних и недавно возникших коллективных установок.

Возвращаясь к вопросу о чистоте, отметим: традиционные представления англосаксов о чистоте связа-

ны не только со сферой этики. Кроме нее, они характеризуются наличием ассоциаций с такой тематической областью, как возврат к началу, опустошение, возобновление:

1) to start with a clean slate – «вернуться на исходные позиции» (букв. «начать с чистой доски»);

2) to clean the house – «уволить нерадивых служащих» (букв. «навести чистоту в доме»);

3) to start life a fresh – «начать жизнь заново» (букв. «начать жизнь с чистого листа»);

4) to wipe one's slate clean – «начать всё сначала» (букв. «вытереть доску начисто»);

5) to clean the slate – «забыть всё старое» (букв. «очистить грифельную доску»);

6) clean sheet – «возможность начать жизнь заново» (букв. «чистый лист»);

7) to make a clean break with the past – «начисто порвать с прошлым».

Чистота здесь противопоставляется не столько грязи, сколько заполненности. Это скорее пустота, чем чистота, хотя она тоже выражается словом clean. Это слово в данном значении входит в то же семантическое поле, что и слова blank, vacant, unoccupied – «пустой, полый, неисписанный, незаполненный» и является антонимом не таких слов, как foul, filthy, dirty, impure – «запачканный, грязный», а таких слов, как engaged, replenished, occupied, full, filled – «полный, заполненный, занятый». В данном случае когнитивным субстратом служат образы исписанного и пустого бумажного листа, меловой доски или иной поверхности для письма. Здесь мы имеем дело со своего рода «семиотической» презентацией реальности, находящейся в русле постмодернистской традиции: жизнь представлена как текст, а деятельность – как написание этого текста. Данный символический образ развернут в новелле Стивена Кинга «Всемогущий текст-процессор» [10]. В этой новелле описано таинственное электронное устройство, которое каким-то фантастическим способом материализовало и дематериализовало содержание вводившихся в него текстов («wrote thing sin to existence, and also deleted them» – «вписывало вещи в бытие и стирало их из бытия»).

Заключение

Так, путем применения наглядно-чувственных образов, язык моделирует абстрактные области действительности (межличностные и общественные отношения и многое другое), не поддающиеся непосредственному сенсорному восприятию. Мышление человека принципиально отличается от информационных процессов, происходящих в электронном мозге, тем, что оно возникло в ходе эволюции из психических процессов, происходивших в мозгу наших далеких предков – приматов. Человек, в отличие от искусственного интеллекта, не может окончательно расстаться с наглядно-чувственными компонентами мышления и отражать мир исключительно математическими средствами. В этом состоит специфика человеческого мышления, влияющая на картину мира и зафиксированная в значениях, внутренней форме и этимологии языковых единиц. Эти теоретические положения были продемонстрированы в нашей статье на примере английского когнитивного паттерна «чистота – грязь» (и его варианта «пустота – заполненность»), лежащего в основе двух тематических областей – области морали и области экзистенции.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Нарциссова С.Ю., Сиротин В.П. Мышление: феноменология процесса. М. : Академия МНЭПУ, 2018. 200 с.
2. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в естественном и юридическом бытии / отв. ред. Н.Д. Голев. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. С. 194–206.
3. Дмитриенко Г.В. Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте : дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007. 166 с.
4. Wells H.G. *Men like Gods*. Dover Publications, 2016. 336 p.
5. Smith G. *Tantra and Tao*. Constable & Robinson Ltd., 1996. 224 p.
6. Orwell G. 1984. *Harper Perennial Classics*, 2008. 349 p.
7. Гумилев Л.Н. Этногенезиобиосфера Земли. М. : Азбука, 2018. 672 с.
8. Григорьева Е.В. Картина мира этническая // Большой психологический словарь онлайн / отв. ред. В.П. Зинченко. 2000. URL: https://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/ (дата обращения: 22.02.2022).
9. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
10. King S. *Word Processor of the Gods. Skeleton Crew: Stories*. New York: Simon & Schuster, 2018. P. 75–61.

References

1. Nartsisova, S.Yu., Sirotnin, V.P. (2018). *Myshleniye: fenomenologiya protsesssa* [Thinking: the Phenomenology of the Process]. Moscow, Akademiya MNEPU publ. 200 p. (in Russian)
2. Zhel'vis, V.I. (2000). Slovo i delo: yuridicheskii aspekt skvernosloviya [Word and Deed: the Legal Aspect of Foul Language]. In: Golev, N.D. (ed.) *Legal Linguistics-2. The Russian language in natural and legal existence*. Barnaul, Izd-vo Altaiskogo gos. un-ta, pp. 194–206. (in Russian)
3. Dmitrienko, G.V. (2007). *Verbal'naya invektiva v angloyazychnom leksicheskom substandarte*. Diss. kand. filol. nauk [Verbal Invective in the English Lexical Substandard. Cand. philol. sci. diss.]. Pyatigorsk. 166 p. (in Russian)
4. Wells, H.G. (2016). *Men like Gods*. Dover Publications. 336 p. (in English)
5. Smith, G. (1996). *Tantra and Tao*. Constable & Robinson Ltd. 224 p. (in English)
6. Orwell, G. (2008). 1984. *Harper Perennial Classics*. 349 p. (in English)
7. Gumilev, L.N. (2018). *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth Biosphere]. Moscow, Azbuka publ. 672 p. (in English)
8. Grigoryeva, E.V. (2000). Kartina mira etnicheskaya [The Ethnic Worldview]. In: Zinchenko, V.P. *Big Psychological Dictionary Online*. Available from: https://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/ [Accessed 22.02.2022]. (in Russian)
9. Uznadze, D.N. (2001). *Psikhologiya ustanovki* [Psychology of Attitude]. Saint-Petersburg, Piter publ. 416 p. (in Russian)
10. King, S. (2018). *Word Processor of the Gods. Skeleton Crew: Stories*. New York, Simon & Schuster, pp. 75–61. (in English)

Поступила в редакцию 05.05.2022
Подписана в печать 27.06.2022

Original article

UDC 408.5

DOI 10.47438/2309-7078_2022_2_213

ON THE SENSORY SUBSTRATE OF ABSTRACT VERBAL THINKING

Ekaterina V. Savitskaya¹
Samara State University of Social Sciences and Education¹
Samara, Russia

¹Cand. Philol. Sci., Docent of the Department
of English Philology and Cross-cultural Communication, e-mail: lampasha90@mail.ru

Abstract. The article deals with cultural and historic continuity of concrete eidetic and abstractconceptual thinking. It is demonstrated how sensory images convey abstract ideas. In particular, it is shown that the properties of material objects (cleanness – dirtiness) symbolize the relationship of the sexes, good and evil, human thinking has a number of fundamental differences from information processes occurring in artificial intelligence systems; these differences consist primarily in the fact that human thinking came into being as a result of evolution from the mental processes that took place in the brains of Man's animal ancestors. A human being, unlike a computer, cannot part completely with sensory components of thinking and model the world by mathematical means only. This peculiarity of human thinking affects the worldview and is imprinted in the semantics of natural language units. The novelty obtained as a result of the research lies in the fact that in the course of analyzing the language material, the ways of the generating abstractions from sensory-visual images were revealed.

Keywords: sensory image, abstract notion, cognitive pattern, lexical combinatorics, modeling.

Cite as: Savitskaya, E.V. (2022) On the sensory substrate of abstract verbal thinking. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (2), 213–216. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2022_2_213

Received 05.05.2022
Accepted 27.05.2022